

УДК 82-1

DOI: 10.30624/2220-4156-2026-16-1-25-35

Особенности репрезентации образа Крыма в крупных жанровых формах русскоязычной поэзии Мордовии

С. П. Гудкова

*Национальный Исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
sveta_gud@mail.ru*

Е. О. Шеянова

*Национальный Исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
sheyanovali1605@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена изучению особенностей художественного воплощения образа Крыма в русскоязычной поэзии Мордовии и вписывается в комплекс исследований отечественного литературоведения, касающихся специфики функционирования крымского текста. Предметом рассмотрения являются способы и приёмы создания образа южного полуострова в крупных жанровых формах поэзии национальных авторов.

Цель: выявить особенности репрезентации образа Крыма в крупных жанровых формах русскоязычных поэтов Мордовии.

Материалы исследования: поэтические тексты В. Гадаева, В. Юшкина, К. Смородина, А. Шаронова.

Результаты и научная новизна. В ходе исследования установлено, что жанровая форма лирического цикла путешествий позволяет, с одной стороны, разносторонне демонстрировать образ Крыма с его знаковыми географическими топосами, с другой – отражать многообразную палитру впечатлений героя-путешественника. В лирических циклах В. Гадаева («Крымский рай» и «Чёрное море») герой уходит от восторженного взгляда туриста. Ему важна не столько передача красоты южного полуострова, сколько погружение в размышления о ходе истории, смысле жизни. Сюжетообразующим мотивом цикла становится оппозиция «родное – чужое», где малая родина поэта, Мордовия, выступает своеобразной проекцией на «Киммерийский» миф М. Волошина. В. Юшкин репрезентует Крым как сакральный географический топос, сужая его до пространства Коктебеля. Магическая атрибутика «волошинских» мест выступает сквозным образом цикла путешествий «Коктебельские записи». Эволюция художественного образа южного полуострова становится центральной смысловой категорией «Крымского цикла» К. Смородина, где через многослойный культурно-философский контекст актуализируется мотив разрушения и раскола. Значимым поэтическим текстом в интерпретации крымской темы становится и «Русская Таврида» А. Шаронова, представляющая образ Крыма как идеальный концепт, вписанный в судьбу России и воплощённый сквозь призму античной, славянской мифологии и знаковых исторических личностей.

Научная новизна работы обусловлена тем, что в ней впервые в мордовском литературоведении рассматривается специфика художественного воплощения образа Крыма в крупных жанровых формах поэзии русскоязычных авторов Мордовии.

Ключевые слова: образ Крыма, русскоязычная поэзия Мордовии, крупная жанровая форма, лирический цикл путешествий, миф, мифологический образ

Благодарности: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-28-02195 «Образ Крыма в русской поэзии XIX–XXI вв.», <https://rscf.ru/project/25-28-02195/>.

Для цитирования: Гудкова С. П., Шеянова Е. О. Особенности репрезентации образа Крыма в крупных жанровых формах русскоязычной поэзии Мордовии // Вестник угроведения. 2026. Т. 16. № 1 (64). С. 25–35.

Features of representation of the Crimea in major genre forms of Russian-language poetry of Mordovia

S. P. Gudkova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
sveta_gud@mail.ru*

E. O. Sheyanova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
sheyanovali1605@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the study of the specifics of the artistic representation of the image of Crimea in the Russian-language poetry of Mordovia and is part of the broader complex of Russian literary studies concerning the functioning of the “Crimean text”. The subject of the study is the methods and techniques for creating the image of the southern peninsula in the major genre forms of poetry by national authors.

Objective: to identify the features of the representation of the image of Crimea in the major genre forms of Russian-language poets of Mordovia.

Research materials: poetic texts by V. Gadaev, V. Yushkin, K. Smorodin, A. Sharonov.

Results and novelty of the research: in Russian literary studies, the “Crimean text” is considered a significant toponymic space with its ancient history. Poetry about Crimea constitutes a vital part of this “Crimean text” to the development of which Mordovian lyric poets also contribute. The image of Crimea in their works is revealed primarily through a synthesis of the “resort”, “antique”, “military”, and “Cimmerian” myths. The scientific novelty of the work is determined by the fact that it is the first in Mordovian literary studies to examine the specifics of the artistic representation of the Crimean image in the major genre forms of poetry by Russian-language authors of Mordovia. The research establishes that the genre form of the travel lyrical cycle allows, on the one hand, for a multifaceted demonstration of the image of Crimea with its iconic geographical topoi, and on the other, for reflecting the diverse palette of impressions of the traveler-hero. In the lyrical cycles of V. Gadaev (“Crimean Paradise” and “Black Sea”), the hero moves away from the enthusiastic gaze of a tourist. For him, conveying the beauty of the southern peninsula is less important than immersion in contemplation about the course of history and the meaning of life. The plot-forming motif of the cycle becomes the “native–foreign” dichotomy, where the poet’s small homeland, Mordovia, acts as a kind of projection onto M. Voloshin’s “Cimmerian” myth. V. Yushkin represents Crimea as a sacred geographical topos, narrowing it down to the space of Koktebel. The magical attributes of “Voloshin’s” places serve as a recurring image in the travel cycle “Koktebel Notes”. The evolution of the artistic image of the southern peninsula becomes the central semantic category of K. Smorodin’s “Crimean Cycle,” where the motif of destruction and schism is actualized through a multi-layered cultural and philosophical context. A. Sharonov’s “Russian Taurida” also becomes a significant poetic text in interpreting the Crimean theme, presenting the image of Crimea as an ideal concept inscribed in the destiny of Russia and embodied through the prism of antique and Slavic mythology, as well as iconic historical figures.

Key words: image of Crimea, Russian-language poetry of Mordovia, major genre form, travel lyrical cycle, myth, mythological image

Acknowledgments: the study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-02195 “The Image of Crimea in Russian Poetry of the 19th–21st Centuries”, <https://rscf.ru/project/25-28-02195/>.

For citation: Gudkova S. P., Sheyanova E. O. Features of representation of the Crimea in major genre forms of Russian-language poetry of Mordovia // Vestnik ugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies. 2026; 16 (1/64): 25–35.

Введение

В последние десятилетия в отечественном литературоведении значительный интерес вызывает специфика функционирования крымского текста [7; 8; 9; 10; 11; 12], напрямую связанная с проблемой топических свертхтекстов, начало которой было положено в работе В. Н. Топорова [16]. Феномен петербургского текста, осмысленный в трудах учёного, положил начало рассмотрению как локальных (московский, пермский, венецианский и др.), так и региональных (уральский, сибирский, алтайский и др.) текстов. Причём, первоначальный интерес к данной проблеме развивался в культурологическом ключе, в частности, в работах А. П. Люсого [12; 13], который одним из первых показал непосредственную связь петербургского и крымского текстов, закрепив последний как самостоятельный научный феномен. Исследователь подчеркнул, что «крымский текст русской литературы генетически опознается как южный полюс петербургского текста» [13, 22]. Он предложил теоретическое обоснование основных этапов развития крымского текста, а также высказал предположение о первичности Таврического мифа, который стал «внутренним» мифом Киммерии.

Докторская диссертация А. П. Люсого положила начало активному изучению данного во-

проса. Литературоведы предприняли попытку разграничения культурологического и филологического понимания крымского текста. Наиболее развёрнутое его осмысление в художественной литературе даёт В. В. Курьянова, понимая под ним «семантически связанную с Крымом систему представлений о человеке и мире, которая отражает неповторимость крымской земли, является её знаковой манифестацией и закреплена в произведениях писателя (писателей). Крымский текст формируется в определённый историко-культурный период под влиянием событий, мифологем и архетипов, специфических для Крыма. Он воспринимается обязательно и только с помощью единого интерпретирующего кода, который присущ писателю и читателю (зрителю, слушателю) как субъектам одного историко-литературного и социокультурного процесса» [10, 5].

Следующим значительным шагом в изучении обозначенной проблемы явилась монография С. О. Курьянова [9]. В ней, помимо литературоведческого осмысления крымского текста как топического свертхтекста русской литературы и уяснения его генезиса, структуры и специфики функционирования, учёный обосновывает и разграничивает понятия *крымский мотив*, *образ Крыма*, *крымская тема* и *крымский миф* (от древнерусской литературы до литературы XIX в.).

Методологически значимым для нас моментом выступает предложенная в работе концепция крымского мифа. Данное понятие, как считает исследователь, используется для «наиболее общего обозначения всех вариантов проявляющихся в литературе константных представлений о Крыме, начавших складываться в начале русской письменности и существующих до настоящего времени» [9, 30]. С. О. Курьянов выделяет шесть вариантов крымского мифа: «христианский», «восточный», «райский», «античный», «военный» и «курортный» / «туристический» [9, 30].

На наш взгляд, в контексте изучения проблемы функционирования крымского текста важное значение приобретает и осмысление роли региональных авторов, обратившихся к образу Крыма. Мордовия, как и многие другие национальные регионы, располагается на Восточно-Европейской равнине, она имеет умеренный климат, во многом отличный от южных широт. В литературном сознании Мордовии Крым, в первую очередь, ассоциируется с «солнечным раем», привлекающим своим тёплым климатом и экзотической южной природой. Более того, Крым долгое время в сознании советского человека ассоциировался со «здравницей», где располагались санатории. Многие члены Союза писателей Мордовии и их семьи в 70–80-е гг. XX столетия поощрялись путёвками в санатории Крыма, отсюда активное развитие в творчестве национальных поэтов получил «курортный» миф (В. Гадаев, И. Девин, В. Юшкин и др.). Причём, в интерпретации образа Крыма важной становится оппозиция «родное – чужое», где образ Мордовии выступает своеобразным мифологизированным пространством, подобным волошинской Киммерии. События последних десятилетий, связанные с судьбой Крыма, несколько изменили ракурс восприятия южного полуострова. Современная поэзия Мордовии, как и русская литература в целом, значительный акцент делает на легендарном историческом прошлом Крымского полуострова, внося определённый вклад в развитие «античного» и «военного» мифов.

Следует отметить, что изучение роли топического пространства и, в частности, образа Крыма в современной поэзии Мордовии пока ещё не получило должного осмысления. Отчасти данная проблема была затронута в работах С. П. Гудковой [4; 5; 6], В. А. Самойленко [14], С. В. Шеяновой [19].

Таким образом, актуальность работы заключается в возросшем интересе к образу Крыма в русском культурном и литературном сознании.

Особенный интерес к крымскому тексту проявился и в поэзии Мордовии. Выявление поэтологических особенностей лирических произведений, посвящённых крымской тематике, где наиболее ярко воплотилась топонимика и ономастика обозначенного географического топоса, продиктовано необходимостью дальнейшего осмысления крымского текста в русской поэзии и его влияния на формирование духовно-нравственной основы современного человека.

Материалы и методы

В статье анализируются особенности репрезентации образа Крыма в русскоязычной поэзии Мордовии. На материале лирических циклов путешествий В. Гадаева «Крымский рай», «Чёрное море», В. Юшкина «Коктебельские записи», К. Смородина «Крымский цикл» и поэма А. Шаронова «Русская Таврида» были изучены особенности трактовки крымской тематике, рассмотрены инварианты крымского мифа, проанализированы сюжетообразующие образы и мотивы.

При работе были использованы методы: культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный, биографический.

Результаты

Отечественная поэзия о Крыме составляет важнейшую часть крымского текста. Начиная своё осмысленное развитие в романтических произведениях А. Мицкевича, А. С. Пушкина, С. С. Боброва, К. Н. Батюшкова, укрепляясь в лирических циклах А. К. Толстого и П. А. Вяземского и, наконец, получив особый статус благодаря последовательной деятельности М. А. Волошина, крымский текст по праву становится в один ряд с другими топическими текстами отечественной поэзии [24]. Определённый вклад в развитие крымского текста вносит и русскоязычная поэзия Мордовии, актуализирующая образ южного полуострова, прежде всего, как туристического места со своими экзотическими красотами. На основе впечатлений от поездки в Крым национальные поэты часто создают лирические циклы путешествий, жанровая форма которых позволяет более точно и развёрнуто (в отличие от отдельного стихотворения) создать многомерный образ топического пространства, передать его культурно-исторический и географический облик [20; 21; 22; 23]. Наиболее показательными в этом отношении являются циклы путешествий В. Гадаева «Крымский рай» (1970–1983),

«Чёрное море» (1975–1983), В. Юшкина «Коктебельские записки» (1980), К. Смородина «Крымский цикл» (1986–2010). Жанрообразующие особенности лирического цикла путешествий, такие как «обязательное наличие образа путешественника (с ним связано развитие сюжета, возникновение сюжетобразующих мотивов, вызванных впечатлениями и переживаниями героя); маршрут путешествия (реальный или вымышленный); лишь намеченный или реализованный); единство проблематики и общность сюжетных конфликтов» [14, 10], позволяют наиболее полно представить как само географическое пространство, так и внутренний мир героя-путешественника.

Сложную композиционную структуру имеет лирический цикл путешествий В. Гадаева «Крымский рай». Он состоит из восемнадцати стихотворений, написанных в период с 1970 по 1983 гг. Поэт отказывается от хронологического принципа построения текста, тем самым актуализируя тематическую доминанту. Сюжетообразующим мотивом цикла выступает образ Крыма, представленный через взгляд туриста-путешественника, который передаёт атмосферу курортного пространства; раскрывает впечатления и внутренние переживания стороннего наблюдателя, попавшего под очарование южных пейзажей. При этом важное идейно-смысловое звучание получает оппозиция «родное – чужое», характерная для данной жанрово-видовой разновидности циклов [14, 10].

«Крымский рай» открывается стихотворением «Дума у Чёрного моря», который выступает своеобразной завязкой поэтического сюжета. Жанровая маркировка – «дума» – подчёркивает философскую направленность всего цикла. Здесь путешественник намечает свой путь, обозначает цель путешествия: «Самолёта взрели моторы, / Всколыхнуло, как праздником, грудь, / И к желанному Чёрному морю / Прилетел я на юг отдохнуть» [2, 270], и в то же время он сразу ощущает неуютность географического пространства. Герой-путешественник, тесно слитый с обликом самого автора, с одной стороны, желает душевного покоя и гармонии, сбежав от рутинной работы, а с другой, – поэт всегда находится в состоянии поиска творческого вдохновения, он всегда реагирует на события времени, отсюда грустно-пессимистическая тональность обнаруживается уже в первом стихотворении цикла. Через серию риторических вопросов раскрываются душевные переживания путешественника: «Раве южного солнышка дыня / Возле моря меня ослепит? / Разве ветер

заглушит отныне / Все, чем жив я, чем сердце болит? / Разве пальмы и те вон левкой / Увлекут от родного гнезда? / Разве море меня успокоит? / Никогда, никогда, никогда!» [2, 271].

Оппозиция «родное – чужое» обнаруживается уже в первой части цикла (левкой – родное гнездо). Поэт не просто сравнивает крымские краски с красками мордовских ярмарок, которые так близки сердцу автора («Сколько красок тут! Сколько народа! / как на ярмарке прежде у нас! / Разноцветны одежды и воды / Щёк пожар. Виноградины глаз» [2, 271], он намеренно актуализирует отстранённость от этого праздного мира, неприятие всеобщей радости отдыхающих.

В последующих частях цикла это ощущение усиливается. Мотив одиночества становится доминантным. Герой старается уйти от праздной курортной жизни, слиться с первозданной природой южного полуострова, погрузиться в «легенды и были этих древних мест». Отличительной чертой гадаевского цикла становится синтез «курортного», «античного» и «военного» мифов. Прогулка по культурно-историческим местам Крыма погружает поэта в размышления о легендарном прошлом полуострова, его сложном пути: от принятия крещения князя Владимира в Херсонском соборе до освобождения Севастополя от немецких захватчиков времён Великой Отечественной войны: «Войду в город, который от турок / Был Суворовым освобождён. Окурит, обовьёт меня он. / Говорят, тут вот Екатерина / Проезжала в карете цветной. / Тут был царь Николай... И туманно / Мысли вьются, как сон золотой. / Словно в сад, я войду в Севастополь, / Что из смерти воскрес и руин. / После жуткой фашисткой осады. / И раздумья прибавят седин» [2, 273].

Путешественник останавливает свой взгляд на развалинах древнего города Чуфут-Кале. Здесь он становится не просто туристом, а человеком, который осмысливает завоевания Золотой Орды, образование Крымского ханства и его набеги на Русь. В поэтическом сознании автора история и современность находятся в постоянной переключке друг с другом: «Не только ль вздох поры давнишней / Развалины Чуфут-Кале? / И крепость хана Тохтамышша / Не просто камни на земле» [2, 274]. Образ крымской истории становится сквозным в структуре поэтического текста, скрепляя многообразные тематические линии: автор слышит смех киммерийцев в «рассветной долине» и звон доспехов афинских воинов; ощущает дух царя Митридата, отдавшего жизнь в борьбе с римлянами;

размышляет о жизни Бахчисарайского гарема хана Гирея; рефлексует по поводу роли вице-адмирала Ушакова в Средиземноморской экспедиции; воссоздаёт героическую оборону русской армии эпохи Крымской войны от англо-французских войск на Малаховом кургане; скорбит на месте гибели адмирала Нахимова, руководившего обороной Севастополя. Философские размышления о событиях истории подводят автора к пророческим выводам о сложном пути России и её роли в современном мировом пространстве: «У прошлого оттенков – тьма, / Хоть в полночь, хоть в полдневной сини. / Кому-то – золото она. / Кому-то – горький сок полыни» [2, 275].

Своеобразной развязкой поэтического сюжета цикла становятся три финальных стихотворения, в которых актуализируется противопоставление юга и севера, где север становится метафорой малой родины поэта – Мордовии, выступающей в образе «снежной равнины». Ключевым приёмом финальной части цикла выступает антитеза, маркирующая красоту «тёплого бриза», «величественных кипарисов» и холод зимнего утра мордовского села, тоска по которому так и не отпускает поэта на протяжении всего путешествия: «А там, где снежная равнина / С морозами на тыщи вёрст – / Совсем иное ощущение, / И среди людей я там не гость» [2, 283]. Оппозиция родное – чужое подчёркивается сопоставлением беззаботной южной жизни и тяжёлой работой дома («В лес за дровами съездить надо / Иль у шабашника купить, / Пилить озябшими руками. / Колоть, чтоб печку истопить» [2, 284]), по которой так скучает автор.

Следует обратить внимание и на кольцевую композицию цикла: открывается и завершается он размышлениями у Чёрного моря («Дума у Чёрного моря» и «Прощание с Чёрным морем»). Задавая философский тон лирическому повествованию жанровой формой думы, завершается оно элегическими стихами, в которых высказывается благодарность Крыму как месту-хранителю легендарной истории и месту душевного спокойствия уставшего странника: «Какие тайны вековые / В твоей гигантской глубине. / Ты разбудило, всколыхнуло / Молчавший колокол во мне» [2, 285]. Только в финальной части цикла Крым представлен наконец во всей своей природной красоте. Использование многообразия цветочных эпитетов, звуковых образов, визуальных картин помогает увидеть не просто неповторимый пейзаж южного полуострова, но и передать

истинные, трепетные чувства поэта, получившего заряд творческой энергии от соприкосновения с этим прекрасным местом: «Со скал, с песка и с горных тропок / Я видывал тебя седым. / Лазурным в дымке розовой, / А в жаркий полдень – золотым. / <...> / Прощай, ликующая сила! / Я полон новых чувств и дум. / Я долго, долго буду слышать / На родине живой твой шум» [2, 286].

Оппозиция родного мордовского края и Крыма становится доминирующей и в цикле В. Гадаева – «Чёрное море» (1975–1983), вошедшем в книгу стихов «Поздние откровения» (2015). Следует отметить, что это самостоятельный цикл, отличный от предыдущего. В него вошло только два стихотворения из цикла «Крымский рай» – «Розы, астры и тюльпаны...» и «Как величественны кипарисы...». Архитектоника данного цикла уже рассматривалась в национальном литературоведении [5; 6], поэтому обратим внимание лишь на его доминантные образы. По тональности этот цикл во многом созвучен «Крымскому раю», однако стоит обратить внимание на более сильную смысловую позицию национальных аллюзий и реминисценций. Противопоставляя шумной курортной атмосфере юга тихий край «меж Волгой и Окой», поэт подчёркивает неразрывные связи человека со своими генетическими корнями: «Там все скромней, святей и проще, / Там есть высокая душа. / Она щемит, сияет в рощах / И в травах ягодных свежа» [3, 83]. Более того, географические топосы Крыма во многом ассоциируются в сознании поэта со знаковыми лицами Мордовии. Так, например, созерцая крымские просторы с высоты скалы Ай-Петри, автор вспоминает известного литературоведа Мордовии – Леонида Георгиевича Васильева («Ялта»), который посещал эти места. Поэт пытается представить, о чём думал, о чём мечтал его земляк, проходя по этим скалистым тропам: «Я пройду, задумчивый, по Ялте. / Тут Васильев некогда ходил ... / Он прощался с морем и с горами, / С тихой Ялтой, с южною жарой...» [3, 87].

Автору становятся близкими литературные топосы Крыма, где отдыхали многие поэты и писатели. Безусловно, В. Гадаева прежде всего привлекает образ М. Волошина – основоположника Киммерийского мифа. Продолжая традиции русской классической поэзии, В. Гадаев создаёт лирический цикл путешествий о Крыме, в котором «не только мифологизируется его культурно-историческое и географическое пространство, но и переосмысливается Киммерийский миф, где образ малой родины, Мордовии, проецируется

на волошинский образ Коктебеля» [6, 33–34]. Оппозиция родное – чужое усиливается к финалу произведения, подчёркивая и в этом цикле нерасторжимые связи поэта с малой родиной: «... Колыбель, Киммерия моя. / Только там я и близкий, и свойский / С каждой ивой и с каждым холмом. / Только там льются ливнями песни, / Бьются в сердце живым родником» [3, 88].

Иной вектор поэтических размышлений демонстрирует лирический цикл путешествий В. Юшкина «Коктебельские записи» (1980). Если для В. Гадаева образ Волошина – это своеобразный маркер смысловой оппозиции, то для В. Юшкина он становится сюжетообразующим началом всего цикла, при этом образ малой родины, Мордовии, появляется лишь в финале цикла как вектор пути, куда возвращается путешественник. Важное значение в понимании основного поэтического сюжета имеет эпиграф («Небо на скалы брошено, / Моря висит марина, / Там, где могила Волошина...» Г. Шенгели [17, 23]), актуализирующий мифологическое пространство Коктебеля как сакральный волошинский локус. Цикл открывается описанием впечатлений героя-путешественника, перед взором которого предстаёт величественный профиль поэта над его могилой: «Направо – / вулканическая сила / Его гигантский изваяла профиль. / Налево – / на горе / его могила. / А в глубине дуги – / меж крон и кровель – / Жильё гостеприимного поэта...» [17, 23].

Следует отметить, что для писателей и литературных деятелей посещение горы Кара-Даг, у подножия которой похоронен М. Волошин, становится не просто туристическим местом, а мифологическим пространством, где соединяются божественный дар и творческое вдохновение. Сакральность данного пространства подтверждается самой природой, которая сотворила портрет-памятник русскому поэту в Коктебеле. Не случайно и сам Волошин при жизни восхищался этим явлением: «Его полынь хмельна моей тоской, / Мой стих поёт в волнах его прилива, / И на скале, замкнувшей зыбь залива, / Судьбой и ветрами изваян профиль мой» [1, 170].

Герой-путешественник В. Юшкина, вспоминая знаковые события, связанные с Крымом, вписывает жизнь и творчество русского поэта в историю полуострова: «Не всё ещё изучено, изложено – / Корпеть над этим можно без конца... / Но славен ты / эпохою Волошина! / И не забудешь своего певца» [17, 24]. Развитие поэтического сюжета цикла выстраивается таким образом, что

все пейзажи и культурно-исторические места, которые созерцает путешественник, несмотря на их красоту стираются перед таинственным воздействием на него скалы Кара-Дага. В каждой из восьми частей цикла фиксируются те или иные магические атрибуты, которые подтверждают сакральность места творческого вдохновения, – это и «вулканическая сила» горы, и «заветный берег», и «великолепный сердолик», и «красивый кварц», и «хрустально-хрупкий звёздный свет». Все эти таинственные образы поэт-путешественник увозит с собой в далёкий мордовский край: «Уезжаю из Коктебеля... / Не навсегда... / Всем существом увожу обаянье поэта...» [17, 28].

Таким образом, В. Юшкин создаёт свой вариант Киммерийского мифа, где образ русского поэта символизирует сакральность географического топоса, а само путешествие превращается в своеобразное паломничество к «волошинской обители».

Традицию создания лирических циклов-путешествий в Крым продолжает и К. Смородин. Его «Крымский цикл», в отличие от предшествующих, построен по хронологическому принципу. В него вошло семь стихотворений, написанных с 1986 по 2010 г. Точная датировка стихотворений подчёркивает сложную эволюцию образа Крыма в сознании автора: от презентации его как мифологического и лирического ландшафта – пространство романтической мечты 1980-х гг.: «Где Крым перед тобой дельфином, / тем, что покажет на волне / свою серебряную спину / и снова канет в глубине» [15, 42]; через метафизический и эстетический феномен об обманчивости бытия, разрушении целостности, относительности времени и пространства 1990-х гг.: «Как будто, выйдя утром на причал, / заметишь, что вчера не замечал, / предвесье непогоды в глади нежной – / скопление медуз у побережья» [15, 43] до восприятия Крыма как места исторической трагедии – гибели империи, которая воссоздаётся через руины городского топоса (Севастополя), пропитанного болью и кровью эпохи начала XXI столетия: «Боже, за что нам это, скажи на милость? / Город пронизан светом, пропитан болью. / Но отступают те, кто с врагами бились. / Даже прибой солёный здесь пахнет кровью...» [15, 45]. Показательной особенностью смородинского цикла становится восхищение красотой Крыма и вместе с тем осознание глубокой трагичности его исторического пути.

Крым у К. Смородина раскрывается не просто как конкретный географический локус, а

как многослойное культурно-историческое пространство. Наиболее очевиден здесь античный пласт, представленный в стихотворении «Ахиллес», где мифологический герой выходит «из складок горних» или «возвращается из Аида», что делает крымский пейзаж декорацией для вечного мифа. Крым отождествляется с античной Тавридой, которая «бьётся в груди», становясь частью внутреннего мира лирического героя.

Особый акцент К. Смородин делает и на исторический пласт, связанный с образом Византии («Гречанка верная, не плачь»), актуализируя мотив утраченной родины, распада Советской империи. Крым в сознании поэта выступает своеобразной отправной точкой, откуда наиболее очевидной становится эта утрата, местом, где остро чувствуется «относительность расстояний»: географическая близость контрастирует с исторической и экзистенциальной отдалённостью («Тогда казалось странным это мне...»).

Обращается поэт и к культурному слою, представленному через символические образы великих живописцев («Гляжу на россыпи вечерних самоцветов...»). Автор осмысливает образ Крыма сквозь призму мирового искусства XX столетия: от примитивистов (Пиромани, Шагал) через авангардистов (Малевич, Кандинский) к передвижникам. Красота крымского пейзажа («край камешков... каре-рыже-золотых холмов») читается как совокупность «плавных линий» и «правильных мазков», запечатлённых на полотнах великих мастеров: «Гляжу на россыпи вечерних самоцветов / и вспоминаются авангардисты: / Малевич, его бабы со снопами, / Красный квадрат, в котором мрак рубина, / ну, а рубины – это кровь богов / в песке у Ганга...» [15, 44].

Поэт репрезентует Крым как живой музей, арт-объект мировой культуры. Однако гармоничность живописного восприятия Крыма резко контрастирует с финальной частью цикла, который меняет оптику осмысления действительности. Эта часть написана позднее предшествующих: она датируется 2010 г., что явно указывает на восприятие Крыма, оказавшегося оторванным от своих корней. Трагический пафос, доминирующий в данной части цикла, передаёт ощущение оторванности, распада, краха, потерю связей. Причём этот крах символизирует распад не только империи, но и самого мифа о вечном, солнечном Крыме. Апокалиптический финал: «Даже прибой солёный здесь пахнет кровью...» – демонстрирует незаживающие раны как самого

географического пространства, так и поэта, глубоко переживающего исторические травмы.

Иной ракурс поэтического восприятия данной темы даёт А. Шаронов в поэме «Русская Таврида» (2025–2026). Александр Маркович Шаронов известен как талантливый литературовед, фольклорист, поэт, создатель фундаментального труда – героического эпоса «Масторава», основанного на мифах, песнях и сказаниях эрзян и мокшан. Его работа соединила в себе научную глубину фольклориста и художественный опыт поэта. В «Русской Тавриде» также синтезируются эти две отличительные черты поэтики эрзянского автора. Основным акцент здесь делается на восприятии Крыма сквозь призму славянской и античной мифологии, русской истории и личного, паломнического пути поэта. Поэма имеет сюжетно-повествовательную основу и во многом синтезирует в себе жанровые признаки оды, эпоса и былинного повествования. Сам автор не даёт жанровой маркировки произведению, но по наличию отличительных признаков можно определить данное произведение как поэму.

Важное идейно-смысловое значение приобретает само название, «Русская Таврида», актуализирующее образ Крыма не просто как географический топос, а как мифо-исторический символ, включённый в сакральное пространство Руси. Это земля репрезентуется как предназначение самой судьбы: заранее «принятая» высшими силами, где история, природа и божественная воля слиты воедино. По мысли автора, крымский топос уже самым божественным промыслом вписан в судьбу Руси и является органичным продолжением её культурного и духовного облика. Лирический зачин: «Куда придёт с Оки и Волги Русь, / Там юной Лады воссияют лики, / Полей рязанских разольётся грусть, / Народ взойдёт, как на Москве, великий ... / В объятых русских и чертополох, / Как роза, расцветёт, и станет он прекрасным; / Объятая русские раскидывает Бог / Счастливым людям и несчастным...» [18], – утверждает великую идею русского мессианства.

Использование пятистопного ямба в сочетании со стопами пиррихия придаёт восторженный одический пафос лиро-эпическому повествованию о единой многовековой истории двух братских народов и в то же время воспекает важное историческое событие – присоединение Крыма к России. При этом, южный полуостров предстаёт здесь как место, где время становится мифом, а история – продолжением эпического действия

богов и героев. Это сообщает знаковому историческому событию характер не политического акта, а божественного. Русское присутствие преобразует землю на онтологическом уровне. Поэтическая метафора «объятыя русские» подчёркивает не просто цивилизаторскую миссию, но и чудесное преображение самой природы.

Поэт воссоздаёт Крым как сакральный локус, где встречаются и гармонично сливаются разные мифологические системы. Например, многообразный славянский пантеон (Лада, Велес, Перун) «освящает» приход русского народа и утверждает его глубокую, архетипическую связь с этой землёй. Античный пласт, представленный образами Посейдона, Зевса, Геры, Афродиты, Гефеста, отсылает к прошлому Крыма – Тавриде и вместе с тем провозглашает его наследником эллинского мира: «Глядит Велес на Русскую Тавриду: / “Приемлю на века сей чудный край. / И Геру попрошу и Афродиту: / Пусть и зимой на ней синееет май”. / Перун, подобный Зевсу, стрелы молний / Из тучи мечет – и ярится гром, / И ужасом страх турку сердце полнит, / И слышит глас Потёмкина он в нём. / Глядит Перун-бог с горней высоты / И землю благодатную всю видит. / Не знать теперь ей роковой беды, / Жить с промыслом Велесовым Тавриде» [18]. Ключевой художественный приём (синтез мифологических образов), как мы смогли убедиться, создаёт эффект божественной солидарности: право на воссоединение признаётся всем пантеоном мировой культуры.

В «Русской Тавриде» во многом реализуется и историософский миф, ключевой фигурой которого выступает образ Григория Потёмкина, введённый не просто как исторический персонаж, а как культурный демиург, действующий на стыке истории и мифа: «Сказал, обозревая Понт, Потёмкин: / «Мила Таврида сердцу моему / И быть ей чужестранной ни к чему, / Быть – славно русской с промыслом высоким» [18]. Показательной становится его миссия: он выступает не завоевателем, а созидателем, носителем «промысла высокого». Герой действует в эпическом ключе – усмиряет «взъярённый Понт» трезубцем Посейдона. При этом автор акцентирует внимание на том, что Потёмкин «не учился у Платона», но был у «кузницы Гефеста», что символизирует его практическую и созидательную силу. Герой превращает хаос (войну, чужестранность) в гармонию (русский порядок и благодать). Именно через этот образ исторической личности Крым включается в русскую цивилизацию как пространство порядка, труда и мира, а не насилия.

Данная мысль подчёркивается и включением широкого литературного контекста, где южный полуостров позиционируется как место силы для творческой интеллигенции: «И Аполлон поэтов зрит, до Ялты / Им сам Боян прокладывает путь. / Их поят ключевой водой наяды, / Они со всей Руси сюда идут» [18]. Упоминание знаковых фигур русской литературы, связанных с этим местом, – Пушкина, Горького, Толстого, – создаёт своеобразный «культурный пантеон», где получают творческое вдохновение художники разных эпох. Не случайно в этот ряд автор включает и своего лирического героя, тесно слитого с обликом самого поэта («и я ходил...»), что наполняет повествование глубоко личностным переживанием происходящих событий, создаёт эффект личного свидетельства. Автор выступает не абстрактным певцом, а непосредственным участником истории: «Настали дни – опять иду я в Крым / С дубовым старым посохом своим, / Как друга он приветствует меня, – / От русских и “хохлов” моя родня...» [18]. Крым в сознании автора становится центром духовного паломничества, а не просто местом отдыха и наслаждения. В данном контексте особое смысловое звучание приобретает образ «дубового посоха», позиционирующий лирического героя как странника-пилигрима, для которого путь в Крым становится духовным возвращением к истокам, месту силы, творческого вдохновения, что делает лирико-эпическое повествование личностно прочувствованным.

Следует отметить, что многообразный мифологический, исторический и литературный контексты в произведении эрзянского поэта выполняют и другую важную идейно-смысловую функцию – проецируют историю на современность. Ключевая строка о родстве: «От русских и “хохлов” моя родня...» подчёркивает основополагающую мысль о национальном единстве. Она формирует образ Крыма как пространство родства, а не раскола, где этничность уступает месту общему культурному Дому, который должен жить в согласии и покое: «И ящика Пандоры злобной нет. / Он утопил его в морской пучине. / Покой идёт на Русский Белый Свет, / Добру и миру жить на нём отныне» [18].

Композиционные особенности «Русской Тавриды» А. Шаронова также направлены на усиление основной поэтической идеи. Кольцевая композиция поэмы создаёт ощущение вечно-го возвращения, незыблемости и цикличности истории. Поэтический рефрен «Куда придёт с

Оки и Волга Русь...» подчёркивает эпический мотив движения, но это движение не агрессивное, а гармоничное. Оно сопровождается «грустью эрзянских полей», образом Лады – богини весны, любви и брака; этому движению покровительствует Велес, защищает громовержец Перун; его эстетическое совершенство воплощается красотой Афродиты и утверждается оно высшей силой Зевса.

Таким образом, как мы смогли убедиться, А. Шаронов использует мощный эпический язык, насыщенный знаковыми именами и символами мировой культуры для того, чтобы возвести конкретный географический топос в ранг национального мифа, вечного и не подлежащего сомнению.

Обсуждение и заключение

В ходе исследования мы пришли к выводу о том, что русскоязычные поэты Мордовии вносят значительный вклад в осмысление крымского текста. Наиболее масштабно образ Крыма представлен в купных поэтических формах – лирических циклах путешествий, созданных под впечатлением реально совершенных поездок, отсюда отличительной чертой таких произведений становится близость образа лирического героя и самого автора. Национальные поэты прежде всего осмысливают образ Крыма сквозь призму «курортного», «античного» и «военного» мифов. При этом герой-путешественник В. Гадаева уходит от восторженного взгляда туриста. Ему не столько важна передача красоты Крыма как географического пространства, сколько погружение в размышления о его легендарном историческом прошлом, которое проецируется на настоящее, становясь неким пророческим предупреждением грядущих событий. Античный и исторический контексты актуализируют философскую основу цикла. Сюжетообразующим мотивом здесь

выступает оппозиция «родное – чужое», где образ малой родины, Мордовии, проецируется на «Киммерийский» миф, становясь своеобразной «гаванью творческого вдохновения» для национального автора. Использование антитезы, антонимичных образов, упоминание знаковых событий и лиц, связанных с Мордовией, во многом усиливает смысловую оппозицию. В отличие от В. Гадаева В. Юшкин сужает восприятие Крыма до коктебельского локуса, центром которого становится личность М. Волошина. Поэт насыщает крымский пейзаж приметам присутствия русского поэта (наскальный профиль, могила, сердолик и др.), тем самым мифологизируя «волошинское» пространство, путь к которому раскрывается не как путешествие туриста, а паломнический путь по «волошинским» местам, хранящим дух поэта. В отличие от своих современников, К. Смородин в своём лирическом цикле актуализирует внимание на эволюции Крыма: от романтического образа крымских пейзажей, создающихся на основе «античного» мифа, до историко-философского символа гибели империи. Поэт исследует саму идею Крыма как фокуса культур, где спрессованы миф, искусство, личная тоска и коллективная историческая судьба. Своеобразная жанровая форма поэмы А. Шаронова «Русская Таврида», сочетающая в себе жанровые черты оды, героической поэмы и былины, позволила автору создать масштабный образ Крыма как сакрального пространства, где встречаются и гармонично сливаются разные мифологические системы. Через сложный синтез славянского язычества, античной мифологии, русской истории и личного авторского присутствия поэт представляет Крым как часть национального мифа. Авторские стратегии направлены на раскрытие русской Тавриды как мифопоэтического символа родства народов, противостоящего политическим распрям.

Список источников и литературы

1. Волошин М. Собрание сочинений / под общ. ред. В. П. Купченко, А. В. Лаврова. М.: Эллис Лак 2000–2004. М.: Эллис Лак, 2000. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1899–1926. 608 с.
2. Гадаев В. Моё мироздание: стихотворения, баллады, притчи, поэмы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. 512 с.
3. Гадаев В. Поздние откровения: стихотворения, поэмы, переводы, проза. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2015. 616 с.
4. Гудкова С. П. Крупные жанровые формы в русской поэзии второй половины 1980–2000-х годов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саранск, 2011. 41 с.
5. Гудкова С. П., Самойленко В. А. Художественное своеобразие лирических циклов путешествий в поэзии Виктора Гадаева // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 1. С. 27–36. DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-1-27-36.
6. Гудкова С. П., Осьмухина О. Ю., Самойленко В. А. Особенности сюжетосложения лирических циклов путешествий в русской поэзии Мордовии конца XX – начала XXI вв. // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 3. С. 436–445. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-3-436-445.
7. Земко Р. А. Крымский текст в современной авторской песне Крыма // Культурное наследие России. 2023. № 3 (42). С. 64–68. DOI: 10.34685/НИ.2023.42.3.009.

8. Иванова Н. П. Концепт «Вечность» в киммерийском тексте русских поэтов XX века // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2024. № 4. С. 96–106. DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-4-96-106.
9. Курьянов С. О. «Тайный ключ русской литературы»: формирование и становление крымского текста в русской литературе X–XIX веков. М.: ИНФРА-М, 2025. 311 с.
10. Курьянова В. В. Крымский текст в творчестве Л. Н. Толстого. Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. 220 с.
11. Лисицына Е. Ю. Крымский миф в русской литературе рубежа XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Симферополь, 2020. 22 с.
12. Люсый А. П. Крымский текст русской литературы и проблема мифологического контекста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 20 с.
13. Люсый А. П. Русская литература как система локальных текстов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Вологда, 2017. 27 с.
14. Самойленко В. А. Художественное своеобразие лирического цикла путешествий в отечественной поэзии рубежа XX–XXI вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2022. 24 с.
15. Смородин К. Второе дыхание: стихи. Саранск: Красный Октябрь, 2016. 240 с.
16. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. СПб.: Искусство, 2003. 616 с.
17. Юшкин В. После свидания: стихи. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1980. 96 с.
18. Шаронов А. М. Русская Таврида // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2026/01/07/3421> (дата обращения: 10.01.2026).
19. Шеянова С. В. Патриотические мотивы в лирике мордовской поэтессы Раи Орловой (на материале сборника «Время Z» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2025. Т. 1. № 1. С. 72–80. DOI: 10.35634/2224-9443-2025-19-1-72-80.
20. Contemporary British Poetry: Essays in Theory and Criticism by James Acheson, Romana Huk Out of Dissent: A Study of Five Contemporary British Poets by Clive Bush // Criticism. 1998. Vol. 40. № 2. Pp. 313–322.
21. Contemporary Irish poetry: A collection of critical essays / Ed. E. Andrews. London: Macmillan, 1992. 355 p.
22. Josephine von Zitzewitz. From Underground to Mainstream: The Case of Elena Shvarts // Katharine Hodgson, Joanne Shelton and Alexandra Smith (eds.). Twentieth-Century Russian Poetry: Reinventing the Canon. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2017. Pp. 225–265.
23. Lachmann R. Gedächtnis und Literatur. Intertextualität in der russischen Moderne. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990. 554 p.
24. René Wellek, Austin Warren. Theory of literature. New York: Penguin Books. 1956. 384 p.

References

1. Voloshin M. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Ed. V. P. Kupchenko, A. V. Lavrova. Moscow: Ellis Lak Publ., 2000. T. 1: *Stikhotvoreniia i poemy 1899–1926* [Vol. 1: Poems and poems 1899–1926]. 608 p. (In Russian)
2. Gadaev V. *Moe mirozhdanie: stikhotvoreniia, ballady, pritchi, poemy* [My Universe: verses, ballads, parables, poems]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 2004. 512 p. (In Russian)
3. Gadaev V. *Pozdnie otkroveniia: stikhotvoreniia, poemy, perevody, proza* [Late revelations: verses, poems, translations, prose]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 2015. 616 p. (In Russian)
4. Gudkova S. P. *Krupnye zhanrovye formy v russkoi poezii vtoroi poloviny 1980–2000-kh godov* [Major genre forms in Russian poetry of the second half of the 1980s–2000s]. Saransk, 2011. 41 p. (In Russian)
5. Gudkova S. P., Samoylenko V. A. *Khudozhestvennoe svoeobrazie liricheskikh tsiklov puteshestvii v poezii Viktora Gadaeva* [Artistic originality of the lyrical travel cycles in the poetry of Viktor Gadaev]. *Vestnik ugrovedeniia* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no. 12 (1), pp. 27–36. DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-1-27-36. (In Russian)
6. Gudkova S. P., Osmukhina O. Yu., Samoylenko V. A. *Osobennosti suzhetoslozheniia liricheskikh tsiklov puteshestvii v russkoi poezii Mordovii kontsa XX – nachala XXI vv.* [Features of plot formation in the lyrical travel cycles in Russian poetry of Mordovia at the turn of the XXI century]. *Vestnik ugrovedeniia* [Bulletin of Ugric Studies], 2020, no. 10 (3), pp. 436–445. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-3-436-445. (In Russian)
7. Zemko R. A. *Krymskii tekst v sovremennoi avtorskoi pesne Kryma* [The Crimean text in the modern author’s song of Crimea]. *Kul’turnoe nasledie Rossii* [Cultural heritage of Russia], 2023, no. 3 (42), pp. 64–68. DOI: 10.34685/HI.2023.42.3.009. (In Russian)
8. Ivanova N. P. *Kontsept ‘Vechnost’ v kimmeriiskom tekste russkikh poetov XX veka* [The concept ‘Eternity’ in the Cimmerian text of Russian poets of the XX century]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal’nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philological Sciences], 2024, no. 4, pp. 96–106. DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-4-96-106. (In Russian)
9. Kuryanov S. O. *“Tainyi kluch russkoi literatury”: formirovanie i stanovlenie krymskogo teksta v russkoi literature X–XIX vekov* [“The Secret Key of Russian Literature”: formation and establishment of the Crimean text in Russian literature of the X–XIX centuries]. Moscow: INFRA-M Publ., 2025. 311 p. (In Russian)
10. Kuryanova V. V. *Krymskii tekst v tvorchestve L. N. Tolstogo* [The Crimean Text in the works of L. N. Tolstoy]. Simferopol: Biznes-Inform Publ., 2015. 220 p. (In Russian)
11. Lisitsyna E. Yu. *Krymskii mif v russkoi literature rubezha XIX–XX vv.* [The Crimean myth in Russian literature at the turn of the XIX–XX centuries]. Simferopol, 2020. 22 p. (In Russian)
12. Lyusyi A. P. *Krymskii tekst russkoi literatury i problema mifologicheskogo konteksta* [The Crimean text of Russian literature and the problem of mythological context]. Moscow, 2003. 20 p. (In Russian)
13. Lyusyi A. P. *Russkaia literatura kak sistema lokal’nykh tekstov* [Russian literature as the system of local texts]. Vologda, 2017. 27 p. (In Russian)
14. Samoylenko V. A. *Khudozhestvennoe svoeobrazie liricheskogo tsikla puteshestvii v otechestvennoi poezii rubezha XX–XXI vv.* [Artistic originality of the lyrical travel cycle in Russian poetry at the turn of the XX–XXI centuries]. Saransk, 2022. 24 p. (In Russian)
15. Smorodin K. *Vtoroe dykhanie: stikhi* [The Second Wind: poems]. Saransk: Krasnyi Oktiabr Publ., 2016. 240 p. (In Russian)

16. Toporov V. N. *Peterburgskii tekst russkoi literatury* [The Petersburg text of Russian literature]. Saint-Petersburg: Iskusstvo Publ., 2003. 616 p. (In Russian)
17. Yushkin V. *Posle svidaniia: stikhi* [After the Date: poems]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1980. 96 p. (In Russian)
18. Sharonov A. M. *Russkaia Tavrida* [Russian Taurida]. Available at: <https://stihi.ru/2026/01/07/3421> (accessed January 10, 2026). (In Russian)
19. Sheyanova S. V. *Patrioticheskie motivy v lirike mordovskoi poetessy Rai Orlovoi (na materiale sbornika "Vremia Z")* [Patriotic motifs in the lyrics of the Mordovian poetess Raya Orlova (based on the collection "Time Z")]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2025, no. 1 (1), pp. 72–80. DOI: 10.35634/2224-9443-2025-19-1-72-80. (In Russian)
20. Contemporary British Poetry: Essays in Theory and Criticism by James Acheson, Romana Huk Out of Dissent: A Study of Five Contemporary British Poets by Clive Bush. *Criticism*, 1998, no. 40 (2), pp. 313–322. (In English)
21. *Contemporary Irish poetry: A collection of critical essays*. Ed. E. Andrews. London: Macmillan, 1992. 355 p. (In English)
22. Josephine von Zitzewitz. "From Underground to Mainstream: The Case of Elena Shvarts. *Twentieth-Century Russian Poetry: Reinventing the Canon*. Katharine Hodgson, Joanne Shelton and Alexandra Smith (eds.). Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2017. Pp. 225–265. (In English)
23. Lachmann R. *Gedächtnis und Literatur. Intertextualität in der russischen Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990. 554 p. (In German)
24. René Wellek, Austin Warren *Theory of literature*. New York: Penguin Books, 1956. 384 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гудкова Светлана Петровна, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Национальный Исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор филологических наук, доцент.
sveta_gud@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5894-6347

Шеянова Елизавета Олеговна, магистрант кафедры русской и зарубежной литературы, Национальный Исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68).
sheyanovali1605@mail.ru
ORCID ID: 0009-0001-0487-4173

ABOUT THE AUTHORS

Gudkova Svetlana Petrovna, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya St., 68), Doctor of Philological Sciences.
sveta_gud@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5894-6347

Sheyanova Elizaveta Olegovna, Master's Student, Department of Russian and Foreign Literature, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya St., 68).
sheyanovali1605@mail.ru
ORCID ID: 0009-0001-0487-4173